

INSPIRIA

ДАРСИ
ЛИ

Сердце

Аушвица

Невероятная
история любви и выживания
в лагере смерти

INSPIRIA

Дарси Ли
Сердце Аушвица.
Невероятная история любви
и выживания в лагере смерти
Серия «*Novel. Женщины*
войны. Любовно-исторический
роман на реальных событиях»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73788828

*Ли, Дарси. Сердце Аушвица. Невероятная история любви и выживания
в лагере смерти: Эксмо; Москва; 2026*

ISBN 978-5-04-244850-8

Аннотация

История двух влюбленных, прошедших через Холокост, восстановленная их внучкой восемьдесят лет спустя.

ДВА ИМЕНИ. ДВА ЛАГЕРЯ. ОДНО СЕРДЦЕ.

1938 год. Четырнадцатилетняя Джини живет в Кракове жизнью, полной музыки, танцев, и мечтает учиться в консерватории. Знакомство с молодым музыкантом Феликсом кажется началом счастливой жизни – но война разрушает их мир,

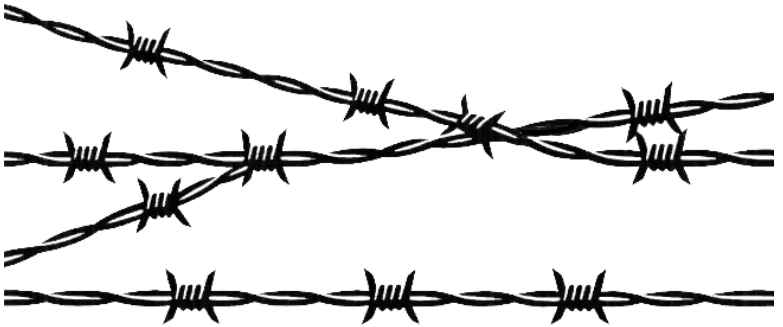
разлучая влюбленных и отправляя Джини в Аушвиц, а Феликса – в Дахау.

В лагерной реальности, где любое проявление человеческого участия могло стоить жизни, Феликс вырезает из подошвы своей обуви маленькое кожаное сердце, прячет в него фотографию и записку с клятвой любви и, рискуя всем, пытается передать этот знак Джини. Путь сердечка проходит через цепочку опасных решений и негласной помощи, в которой участие каждого могло обернуться смертельным приговором. Крошечное сердце становится для Джини доказательством того, что за пределами насилия и страха по-прежнему существует надежда – и человек, который ждет.

Спустя десятилетия их внучка Дарси Ли находит семейную реликвию и восстанавливает историю Джини и Феликса по воспоминаниям, дневникам и аудиозаписям, возвращая голос тем, чья жизнь была сломана Холокостом. «Сердце Аушвица» – подлинная история любви, дружбы и поддержки, родившихся в самых невозможных обстоятельствах; это напоминание о том, что даже один маленький жест может сберечь человеческое достоинство и помочь выжить.

Содержание

Примечание редактора оригинального издания	7
Пролог	8
Конец	18
Дракон пока не страшен	21
Словно лишиться рук	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дарси Ли
Сердце Аушвица.
Невероятная история
любви и выживания
в лагере смерти

Das Herz von Auschwitz

Darcy Lee

© Анна Лоскутова, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Примечание редактора оригинального издания

История Джини и Феликса, переживших Холокост, записана их внучкой Дарси Ли. Книга представляет собой художественную переработку воспоминаний узников нацистских лагерей Аушвиц и Дахау. Автор опирается прежде всего на устные воспоминания бабушки и дедушки, дополненные расшифровками аудиозаписей Джини. В книгу также вошли дневники Галины Нелькен, невестки Джини, которая разделила с ней ужасы лагеря Аушвиц.

Поскольку в основе повествования лежат живые воспоминания, не каждая деталь поддается документальному подтверждению. Для защиты личных прав характеры некоторых персонажей были частично изменены, а реальные события в ряде случаев облечены в художественную форму. Это, в частности, относится к сюжетной линии, связанной с описанием любовной связи между невесткой Джини и эсэсовцем. По понятным причинам никаких документальных свидетельств такой связи не сохранилось, поэтому у семьи нет достоверной информации по этому вопросу.

Персонаж эсэсовца Бюттнера, упоминающийся в книге, является вымышленным и используется исключительно в рамках художественного повествования.

Пролог

2008 год

В тот день, маясь от безделья, я задумчиво бродила среди высоких сосен, росших в нашем саду, в надежде найти себе какое-нибудь развлечение. Мое внимание привлекла сосновая шишка – я подняла ее с земли и невольно залюбовалась идеально выточенными рядами острых чешуек. Погладила пальцем одну из них и вдруг ощутила, что сверху на меня упала крупная капля дождя. Я взглянула на небо и нахмурилась – прямо надо мной собирались тяжелые, мрачные тучи.

Знакомый голос окликнул меня. Я обернулась и увидела, что на пороге дома, уперев руки в бедра, стояла мама. Ее поза говорила сама за себя: живо домой, пока не начался ливень. По-прежнему сжимая в руке шишку, я лихорадочно перебирала в голове возможные аргументы, чтобы выторговать себе еще несколько минут в саду. Но мама уже начала свой отсчет.

– Один, два, три...

Мое лицо просветлело. Стрелой метнувшись в дом, я прошмыгнула мимо мамы и вихрем промчалась через гостиную и кухню в поисках подходящего убежища. Места, где она меня ни за что не найдет.

– ...шесть, семь...

Сердце бешено колотилось, а я все еще металась по дому. Внезапно я оказалась в дальней части дома – гостевой спальне, куда мы редко заглядывали. Сперва мелькнула мысль спрятаться под кроватью, но я тут же отбросила ее. Слишком очевидно! В отчаянии я огляделась в поисках более подходящего укрытия.

– ...восемь, девять, десять...

Мой взгляд упал на шкаф. Радостно взвизгнув, я одним рывком распахнула дверцы и тут же погрузилась в облако густой пыли. Кашляя и отмахиваясь от взметнувшейся пелены, я протиснулась вглубь шкафа, захлопнула дверь и укрылась в спасительной темноте. Устроилась поудобнее среди старой одежды, упакованной в пластиковые мешки.

– ...пятнадцать, шестнадцать...

Раздвинув пыльные игрушки, я постаралась сжаться в комочек, чтобы стать как можно меньше и уместиться за громоздким ящиком с консервами. Мне с трудом удалось немного сдвинуть неподъемные припасы в сторону и протиснуться поглубже. Безмолвно ликуя, я уселась на корточки и обхватила колени руками.

– ...восемнадцать, девятнадцать, двадцать!

Раньше я здесь никогда не пряталась; маме понадобится целая вечность, чтобы меня найти. Так и вышло – минуты тянулись бесконечно долго. Мне стало скучно, и я со вздохом откинулась на шершавый бок ящика. Через щель в двери в шкаф проникала узкая полоска дневного света, вычерчивая

на моих руках причудливые узоры. Мой взгляд устремился в глубины шкафа и выхватил из мрака небольшую обувную коробку, приютившуюся в дальнем углу. Она была вся опутана густой паутиной, а крышку покрывал толстый слой серой пыли. Затаив дыхание, опасаясь, что выдам себя малейшим шорохом, я потянулась к коробке, осторожно поднесла ее к глазам и обомлела. «НЕ ОТКРЫВАТЬ!» – надпись на крышке, начертанная жирными черными буквами, казалась магическим заклинанием. Что же могло скрываться внутри? Стая тараканов? Или какое-нибудь чудовище, заточенное там мамой много лет назад?

Задумчиво склонив голову, я медлила. Раз мама написала это предостережение, значит, я должна к нему прислушаться. С другой стороны... Меня раздирало желание приоткрыть завесу тайны. Во мне пробудился ребенок, жаждущий открытий, стремящийся познать мир во всех его проявлениях. Не пора ли Пандоре открыть свой ящик?

Дрожащие пальцы коснулись крышки, но я замерла в нерешительности. Готова ли я узнать секрет, что таился внутри? А вдруг там скрыта сила, способная преобразить меня до неузнаваемости, и я никогда уже не буду прежней? Воображение рисовало пугающие картины, волнение нарастало с каждым мгновением. Но любопытство все-таки одержало верх над страхом перед неизвестностью.

– Вперед, – прошептала я дрожащими губами, чувствуя, как бешено колотится мое сердце.

Крышка откинулась, и взору представилась стопка фотографий. На самой верхней – мои юные бабушка и дедушка, запечатленные на палубе большого лайнера. Я с облегчением вздохнула. Да, все верно. Послевоенная эмиграция из Польши на огромном военном корабле. Ухмыльнувшись, я покачала головой, мысленно упрекая себя за излишнюю впечатлительность. Монстры в шкафу – какая нелепость! Я вернула фотографию на место, собираясь закрыть крышку.

Но в этот момент мой взгляд задержался на странном предмете. Небольшой сверток. Я достала его из коробки и осторожно ощупала. Внутри лежало старое, потертое сердце, вырезанное из грубой сапожной кожи. Вынув поделку, я внимательно оглядела ее со всех сторон. Два куска кожи, скрепленные неровными стежками, а между ними – тонкая, едва различимая щель, забитая грязью и жиром. Дрожащими пальцами я открыла медальон. Луч света выхватил из темноты два бледных лица, застывших в момент поцелуя: трепетно склонившись к бабушке, дедушка прижимался губами к щеке своей возлюбленной. Сияние радости, исходившее от лица бабушки, не смогло померкнуть даже сквозь пелену десятилетий. Я буквально физически ощутила волну любви, которая словно сметала все на своем пути. Дыхание перехватило, в горле встал ком. Сжимая в руке маленькое кожаное сердечко, я чувствовала, как мое собственное сердце трепещет от волнения. Отчего эта любовь кажется такой сильной? Какая трагедия могла сделать ее такой несокрушимой? Как

зародилось это чувство и как оно связано со мной?

Я положила сердце обратно в пакет и сдвинула фотографии в сторону. И тут, словно по волшебству, в моей руке вдруг очутилось еще одно фото. Я поднесла его к узкой полоске света. Первое, что бросилось мне в глаза, – татуировка с номером: A26460. Затем рука, на которой она была сделана. От испуга я выронила фотографию, отшатнулась и ударились спиной о жесткий бок ящика с консервами.

Нерешительно протянув руку, я извлекла из стопки еще один снимок. Большой палец скользнул по выцветшему лицу бабушки. Она стояла под зловещей аркой с надписью *Arbeit macht frei* – «Труд освобождает».

Эхом в сознании отозвался голос школьной учительницы, перед глазами всплыли картинки со страниц учебников. Холокост. Уроки истории. В одной руке у меня была фотография бабушки в Аушвице, в другой – кожаное сердце. Прошлое вышло наружу, но я до сих пор никак не могла его осознать. Какое отношение моя семья имеет к этой бездне ужаса? Я ощущала себя птицей, парящей высоко над гнездом, которая видит его очертания, но никак не может спуститься. Поглощенная коробкой и ее зловещим содержимым, я даже не услышала, как распахнулись дверцы шкафа.

Внутри ворвался ослепительный поток света. Я медленно поднялась и повернулась к маме. Улыбка застыла на ее лице, когда взгляд упал на кожаное сердце, сжатое в моей ладони.

– Зачем ты... – ее голос дрогнул и оборвался.

Глаза наполнила невыразимая боль. В ней отразилась травма, которую она годами хранила глубоко внутри. Безуспешно пытаюсь смахнуть набегавшие слезы, она встретила мой ищущий взгляд. Надежда, желание, нет – потребность узнать, понять, что она скрывала все эти годы, – вот что говорили мои глаза. С тихим вздохом она протянула мне руку.

– Пойдем. Тебе бы все равно когда-нибудь пришлось узнать, – слабая улыбка тронула ее губы. – Знаешь, ведь мы... мы – евреи.

Я нахмурилась, не понимая. Евреи? Это... невозможно. Мы же католики! Мои пальцы судорожно сжали кожаное сердечко.

– Мама, что это значит?

* * *

«Список Шиндлера» обрушился на меня лавиной – слезы текли сами собой, а вместе с ними поднимались давно забытые, но, как оказалось, живые вопросы. Более полувека семейные тайны хранились под замком, и именно этот фильм, как объяснила мама, стал тем ключом, который подтолкнул мою бабушку наконец выпустить их наружу. История моих родных ожила, превращаясь в симфонию о любви, силе музыки и невообразимом ужасе геноцида.

Я узнала о кожаном сердечке, которое мой дед вырезал из голенища ботинка, – и о невероятном пути этого маленького

талисмана от Дахау до Аушвица. Узнала о том, как их любовь зародилась среди кошмара гетто и была вынесена ими через всю войну. И о другой, запретной любви: между эсэсовцем и юной еврейкой, моей двоюродной бабушкой, которую от смерти спас человек, для которого однажды любовь оказалась сильнее мундира. И, наконец, в этой истории возник дядя моей бабушки – управляющий той самой кофейни, запечатленной в фильме. Его имя долгие годы окутывал туман подозрений: говорили, что он был шпионом.

Когда на экране пошли финальные титры, на меня навалилась тяжесть скорби о миллионах сломанных судеб. Тети, дяди, двоюродные братья и сестры, бабушки и дедушки... их было неисчислимо много. Я почувствовала, как мама коснулась моей руки, но не смогла вымолвить ни слова – лишь бессильно покачала головой.

– Я не говорила тебе раньше, потому что... это слишком больно. Ночами крики моей мамы сотрясали наш дом, и теперь ты понимаешь почему. Я не хотела, чтобы и ты несла этот груз, – прошептала мама, словно выдыхая последние силы.

Я сжала ее пальцы. Что-то мягко коснулось моих коленей – старая семейная фотография.

– Теперь мы их наследники, – сказала мама уже более твердо.

Я взяла снимок и вгляделась в незнакомые лица. Я их не знала, и все же... живот свело от волнения. Сердце затрепе-

тало, словно стремясь вырваться и дотронуться до каждого из них. На языке застыл вопрос, но я не решалась произнести его вслух. Внутри я уже знала ответ – знала, кто запечатлен на этой фотографии. Я закусила губу и лишь крепче сжала снимок.

– Наша семья, – тихо сказала мама. – Этих двух крошек застрелили в канализации, когда они пытались бежать из гетто. Пожилую женщину в центре забрали нацисты – и она не вернулась. А вот его расстреляли здесь же, вместе с этой красивой женщиной... о ее судьбе мы так ничего и не узнали. Так что...

– Хватит. Я поняла, – слишком резко оборвала я ее.

Меня всегда мучил вопрос, почему у нас так мало родственников. Теперь ответ обрушился на меня с оглушительной ясностью. Их отняли у нас. Нацисты. И ненависть, которая не знала границ. В голове все громче звучали слова мамы:

«Теперь мы их наследники».

Да. Именно так.

Я поднялась, прижала фотографию к груди и, крепче взяв маму за руку, подняла взгляд. Вглядываясь в будущее, которое они завещали нам сохранить.

*Маленькая Дарси на коленях у Джини. Имя для внучки
выбрала ее бабушка.*

Конец

1945 год

Солнечные лучи, пронзая редкую листву, заливали светом могучие стволы и пустынные дворы. Казалось, даже муравьи, копошащиеся в пыли, чувствовали это обжигающее прикосновение. Как же нелепо: солнце стало насмешкой, жестоким напоминанием об утраченной надежде. Его свет щедро лился на землю – почти так же щедро, как кровь, что сейчас хлестала из ее раны.

Кровь наполняла ботинок, но она ничего не ощущала. Ноги превратились в онемевшие, синие от холода обрубки. Их тела – сплошная кожа да кости, повинуются лишь тупой, животной воле к жизни. Многие уже пали жертвой морозной стужи, и ни истошные крики детей, трясущих своих мертвых матерей, ни хриплые вопли мужчин, склоняющихся над окоченевшими телами жен, не могли вернуть их к жизни. Она давно научилась распознавать взгляд смерти – безошибочно видела, когда кто-то балансирует на краю. Видела, когда сердце сдается в борьбе с голодом, а душа – под тяжестью всепоглощающей усталости.

Бездумно вытащив пулю из каблука, она отбросила ее в сторону. Если бы в ней оставалась хоть капля надежды, что она выживет, она непременно сохранила бы эту находку –

на удачу. Но надежды не осталось. Годами ей твердили, что их всех ждет гибель, и теперь, в преддверии конца, она поверила. Ее безмолвные молитвы наконец услышаны. Она не вздрогнула, когда чей-то череп раскололся о камень, и лишь моргнула, когда рядом рухнуло искореженное тело. Да, нацисты расстреляют ее – как и всех остальных.

Шесть долгих лет, прожитых лицом к лицу со смертью, и вот наконец настал ее черед. В груди поднялось странное, почти благоговейное чувство: она бы с облегчением отдалась в холодные объятия смерти. Ей не раз чудился ее тихий, манящий зов. И пока эсэсовцы деловито вытаскивали на мост все новые и новые тела, она приняла решение – покориться.

– Галина... я больше не могу. Я не вынесу, – выдохнула она, утопая в мерном стуке сапог и глухом звуке падающих тел.

– Надо.

– Я не могу... Наверное, это конец.

Если она остановится, то умрет. И наивно надеялась: стоит лишь застыть на месте – и ей просто выстрелят в голову. Все закончится быстро и почти без боли. Когда перед глазами сотни тел корчатся в предсмертной агонии, пока не вырвется последний, рваный вздох, начинаешь мечтать о другой, милосердной смерти.

Она посмотрела на сестру своего возлюбленного. Лицо ее было мокрым от слез. И тут вновь раздались злые, хриплые крики надзирателей.

- Марш! Марш! – будто стая ворон, каркали они с моста.
- Ох, малышка... Боюсь, это еще не конец.

Дракон пока не страшен

1938 год

– Нет, я не могу! Мне готовиться надо. Сама, что ли, не знаешь?

– Да знаю я. Только, пожалуйста, не оставляй меня с Юреком.

– Ладно, ладно.

Джини украдкой подмигнула своей младшей сестре Халинке, так, чтобы их братец ничего не заметил. Она очень любила их обоих, но с Халинкой чувствовала какую-то особую связь. Неудивительно, ведь когда малышка появилась на свет, именно Джини выбрала для нее имя.

– Па, ты правда считаешь, что это платье подходит? – она посмотрела на отца, аккуратно расправила складки на своем светло-голубом платье в горошек и слегка покрутилась, придирчиво разглядывая подол. – Мне кажется, оно совсем не похоже на наряд Эсфирь.

– Дорогая, играть царицу Эсфирь ты будешь не сегодня, – ухмыльнулся Па. – До выступления еще несколько месяцев. А этот наряд – для празднования Йом-Кипура¹. Ну-ка при-

---

¹ Йом-Кипур – один из главных праздников в иудаизме, День искупления; посвящен посту, молитве и подведению духовных итогов года. (Здесь и далее прим. ред.)

сядь, я приведу в порядок твои волосы. Слышишь – уже тру-
бят шофары!²

Услышав про шофары, Халинка тут же выскочила из ком-
наты – видимо, помчалась на поиски мамы, а вот брат даже
не сдвинулся с места. Он продолжал лежать поперек кровати
и подбрасывать в воздух мячик. Па присел на край кровати
и принялся расчесывать темные и длинные – до самой пояс-
ницы – волосы Джини. Юрек искоса поглядел на Джини и
показал ей язык. Та в ответ скорчила гримасу.

Брат наверняка ей просто завидовал. Немудрено – из всех
девочек средней школы на роль царицы Эсфирь в постанов-
ке школьного театра выбрали именно ее! Даже несмотря на
то что в школе она была новенькой. Так что совсем скоро
Джини предстанет перед зрителями в образе прославленной
героини, спасительницы всего еврейского народа.

К тому же на спектакль обещали прийти ее друзья – Ири-
на, Хенка, Рутка и, конечно, Митек. Они увидят, как она сто-
ит на сцене в своем дивном платье, увенчанная сверкающей
коронай. Правда, Хенку и Рутку, возможно, еще придется
уговаривать, чтобы они притащили с собой Митека. Он про-
сто обязан увидеть ее в роли царицы! Кто знает, может быть,
в этой короне ей предстоит пойти под венец? В воображе-
нии Джини Митек уже стоял перед ней, улыбаясь и обнажая

---

² Шофар – ритуальный духовой инструмент, изготавливаемый из изогнутого
бараньего рога; используется в иудейской традиции во время богослужений на
Рош ха-Шана и в завершение Йом-Кипура.

свои кривоватые зубы. Его каштановые локоны трепещут на ветру, он клянется в вечной любви, а Джини отвечает ему улыбкой, и вокруг – море лиц, родных и близких...

– Юджиния!

Джини вздрогнула от неожиданности, словно ее вернули с небес на землю. Перед ней, грозно подбоченившись, стояла Когут.

– Тебе уже четырнадцать, Юджиния! Почти женщина – пора прекратить постоянно крутиться возле своего отца. Да и тебе, Юрек, стоит задуматься. Что вы вечно торчите в этой спальне? Мы же договорились – только по субботам. Ну-ка, пойдем, я заплету тебе косы... а это еще что такое? – Когут презрительно скривилась. – Кто нарядил тебя в это нелепое платье?

– Па. Тебе не нравится?

– Не нравится!

Глаза Джини сузились в щелочки от обиды. Со вздохом она послушно поплелась за Когут, напоследок бросив быстрый взгляд на Юрека. Брат не раз жаловался родителям на сварливую горничную, но в ответ лишь слышал упреки за то, что называл ее Когут. Она усмехнулась: «когút» по-польски значит «петух», и прозвище, конечно, подходило этой чопорной домоправительнице.

Пока горничная орудовала с ее прической, Джини вертелась волчком. Комната прислуги ей совсем не нравилась – тесная, неудобная; но зато не пришлось тащиться наверх, в

спальню.

Когда мучения с волосами наконец закончились – Когут заплела две тугие косички, – она пулей помчалась на второй этаж, в свою комнату. Войдя, улыбнулась, окинув взглядом стену, уставленную полками с куклами и игрушками. Ни сантиметра свободного места, и это лишь малая часть ее сокровищ. Несмотря на то что она уже повзрослела, Когут так и не смогла убедить ее расстаться со старыми игрушками. Джини берегла их для Халинки: сейчас сестренка была слишком мала для таких роскошных вещей, но когда-нибудь они обязательно станут ее.

Она присела на край кровати и нежно взяла в руки одну из своих любимиц – фарфоровую голубоглазую куклу, привезенную из Вены. Провела кончиком пальца по гладким стеклянным глазам и мечтательно улыбнулась. Куклы были для нее спасением от ночных кошмаров, в которых вновь и вновь повторялся один и тот же сон: провал на экзаменах в консерваторию. Музыка и фортепиано были для нее не просто увлечением – они составляли саму ее сущность. Проводить каждую свободную секунду за инструментом – вот оно, настоящее счастье.

Голос Когут, зовущий из гостиной, заставил Джини вздохнуть и с грустью вернуть куклу на полку. Спускаясь по лестнице, она как могла тянула время, неторопливо пересчитывая башмачками каждую ступеньку. Схватив яблоко из фруктовой вазы на столике из красного дерева, плюхнулась

на мягкий диван.

В гостиной была мама. Она уже облачилась в роскошное вечернее платье, и Когут, задержавшись в дверях кухни, смотрела на нее с нескрываемым восхищением. Мама покачивалась в такт музыке из проигрывателя и, как всегда, самозабвенно подпевала арии Кармен, звучащей на немецком.

– Ну сколько можно, опять этот немецкий! Поставь что-нибудь персидское. Мне же к роли царицы Эсфирь готовиться, – заняла Джини.

– В ответ на ваш укор станцюю для вас...

Джини издала полный разочарования стон и, словно ища убежища, бросилась к роялю. Ей досаждало, что, в отличие от мамы, свободно говорившей по-немецки, эта чужая речь оставалась для нее неприступной крепостью. Сама она, впрочем, толком не понимала, зачем ей сдался этот неблагозвучный язык.

Разговоры о войне в последнее время стали в их семье чем-то обыденным. В течение всего 1938 года в стране царила всеобщая паранойя, но дела у семьи Джини пока шли неплохо. Вечерами радио уверяло о неприкосновенности польского коридора к Балтике, о «картонных» танках Германии, у которой нет ни единого шанса на победу. Напитавшись надеждой, родители поворачивали ручку приемника – и эфир наполнялся музыкой Шопена, куда приятнее разговоров о войне.

Джини как раз исполняла один из любимых шопеновских

вальсов, когда к роялю вдруг подскочила Халинка. Схватив сестру за руку, она оторвала ее от клавиш и повлекла к остальным членам семьи. Увидев Юрека в его нелепом льняном кителе, сестры прыснули, но тут же притихли, встретив суровый взгляд Когут. Горничная, словно защитница, приобняла Юрека за плечи и в гордом молчании повела брата через парадную дверь вслед за матерью.

Джини взяла Халинку за руку, собираясь последовать за ними, но на пороге девочек остановил отец. К их удивлению, он не хмурился – напротив, сиял широкой улыбкой.

– Ну-ка, идите сюда, мои маленькие проказницы.

Смущенно переглянувшись, Халинка и Джини послушно прошли за отцом в садовую беседку и опустились на скамейку. Стоял чудесный теплый вечер. Уличные фонари роняли мягкий свет на цветы, превращая сад в маленький рай. Вокруг беседки высились старые деревья, и Джини знала: стоит забраться повыше – и где-то там, за рекой, покажется силуэт Вавельского замка. Празднество было в самом разгаре, его звуки разносились по округе, и ей казалось, что этот гул издает огромный дракон из старинных преданий: обреченный вечно сторожить дворец, он дремлет у подножия холма и громко сопит.

– Итак, уговор? Больше никаких шалостей. Сегодня Йом-Кипур – великий день, когда сердца должны быть полны радости, а не раздора. И не омрачайте жизнь Ядвиге, ей и без того нелегко. А еще прошу вас, забудьте это прозвище – Ко-

гут. По крайней мере, не произносите его при ней.

– Но Па! Она не разрешает мне проводить с тобой время, как раньше. Говорит, что я слишком взрослая, что я почти женщина, – с обидой проговорила Джини.

– Возможно, в ее словах есть доля правды. Но сегодня мы будем наслаждаться этим дивным вечером все вместе: и взрослые, и дети, и почти женщины. Идет?

Джини и Халинка с готовностью закивали. Па торжественно поцеловал каждую в щеку, подхватил Халинку, обнял Джини за плечи – и они неспешно двинулись к выходу из сада, чинно шагая мимо ухоженных клумб. Оказавшись на улице, Джини вдруг поняла, о каких шофарах говорил отец: теперь и она слышала их нарастающий гул.

* * *

Джини проворно катилась на велосипеде по улицам Кракова, приветствуя каждого знакомого лавочника. Она помахала своему любимому пекарю, и тот радостно улыбнулся ей в ответ. Уютный и спокойный город был совсем не похож на шумные современные мегаполисы, поэтому родители, поглощенные своими заботами, не видели особой опасности в том, чтобы отпустить Джини в школу одну.

Но сегодня девочка сильно переживала, что опоздает. Выйти пришлось позже обычного: Когут снова провозилась с завтраком. Мама усердно наставляла горничную в премуд-

ростях кулинарии и домоводства, но до совершенства Когут было еще ох как далеко. Прибавив скорость, Джини вылетела на набережную. Завороженная неспешным течением реки, она на мгновение позавидовала ее безмятежному спокойствию.

На другом берегу Вислы возвышался Вавельский замок. С ровными кирпичными башенками, красной черепичной крышей и множеством крошечных окошек он издалика казался игрушечным. Но сегодня у Джини не было времени любоваться красотами. Бросив мимолетный взгляд на знаменитую достопримечательность, она вдруг вспомнила о драконе из средневековых легенд. Воображение живо нарисовало страшную чешуйчатую голову, выглядывающую из оконца башни, и ярко-зеленый глаз, косившийся прямо на нее. По телу пробежала легкая дрожь, и, подгоняемая страхом опоздать, она прибавила ходу.

Подкатив к школе, девочка легко спрыгнула с велосипеда и растворилась в толпе учеников, облепивших фасад внушительного здания. Сердце радостно встрепенулось, когда она увидела знакомое лицо Митека, а за ним – его родителей. Припарковав велосипед, Джини поспешила к ним.

– Митек, привет. Домашнее задание по математике осилил?

– Еще бы! А ты, похоже, нет? Впрочем, этого и стоило ожидать! Джини, ты не поверишь, но мир школьных предметов не ограничивается уроками музыки. Боюсь, такими тем-

пами ты рискуешь остаться на второй год. Может, стоит задуматься о дополнительных занятиях? И о том, кто мог бы подтянуть тебя по отстающим предметам, – сказал Митек с лукавой усмешкой.

Он легонько подтолкнул ее в бок, и Джини с притворной обидой отмахнулась.

– Митек прав, – мягко заметила его мать. – В нашем доме тебе всегда рады, так что он в любой момент может помочь тебе с учебой.

Их семьи связывала долгая дружба. Родители Митека были для Джини почти как родные; она даже звала их дядей и тетей – и втайне уже считала себя будущим членом их семьи. Оставалось лишь дождаться свадьбы!

– Спасибо, тетя. Правда, вряд ли у меня найдется на это время. В следующем году я поступаю в консерваторию, так что все мои мысли будут заняты музыкой. Кстати, отец просил передать, чтобы вы заглянули в наш магазин. Новый матрас уже привезли, – сказала Джини.

Родители Митека закивали и принялись прощаться.

У школьных ворот Джини уже поджидала подруга.

– Привет, Джини! Ну что, идем?

– Доброе утро, Ирена. Хенку и Рутку видела?

– Да, они уже внутри. Побежали!

Внезапно чья-то рука крепко сжала ее ладонь. Это был Митек. Сердце Джини бешено заколотилось в груди. И вот, рука в руке, они вместе ворвались в класс.

Школьный день обещал быть весьма утомительным. Возвращение к учебной рутине после коротких зимних каникул всегда давалось нелегко. Лето семья Джини традиционно проводила в Карпатах, в тихом курортном городке Щирк. Зимой же дети отправлялись туда с отцом, чтобы вместе покататься на горных лыжах. Джини обожала лыжи и своего инструктора Польдека Пфэфферберга. Мама неизменно оставалась в зимние каникулы в Кракове. Халинка сильно тосковала по ней, и Джини приходилось изо всех сил развлекать и утешать свою младшую сестренку. Себе же она объясняла мамино отсутствие желанием дать девочкам возможность подольше побыть наедине с отцом, ведь обычно Па был очень занят работой.

Сегодня занятия тянулись мучительно медленно, но Джини жила предвкушением урока музыки. Там, в окружении подруг, у нее всегда была возможность предаваться любимому делу – играть на фортепиано и петь хором. После школы Джини понеслась домой к семейному ужину. Дети уже галдели в столовой, и как только дымящаяся тушеная капуста, приготовленная нерасторопной Когут, водрузилась на обеденный стол, они позвали родителей. Те еще работали в магазине, расположенном этажом ниже, но, услышав, что ужин готов, тут же поднялись и уселись за стол.

После трапезы Джини шепнула Халинке, чтобы та заняла всех сидящих за столом вымышленной историей о своем будущем женихе. Разумеется, всем было очевидно, что един-

ственная, кому в ближайшее время может светить замужество, – это Джини, но ничего другого, способного хоть ненадолго отвлечь внимание родителей, ей в голову не пришло.

Пробормотав извинения, она на цыпочках выскользнула из-за стола. Пройдя в гостиную, девочка прильнула к роялю, нежно лаская клавиши кончиками пальцев. Глубоко вздохнула, зажала левую педаль, и тихие аккорды вальса заструились в полумраке комнаты. Она играла неторопливо, легко перебирая пальцами по клавиатуре. Прикрыв глаза от удовольствия, она продолжала прислушиваться, боясь быть застигнутой врасплох. Улыбка расцвела на ее лице – похоже, хитроумный план сработал, и никто не помешает ей наслаждаться пленительными звуками музыки.

Но миг счастья был до обидного краток! Джини вздрогнула, когда чья-то сильная рука грубо сорвала ее со стула.

– Юджиния Гизела Вайн! Не такая уж ты хитрая, как тебе кажется! Сперва сделай уроки.

Огрызаясь и бормоча проклятия себе под нос, Джини поплелась за Когут наверх.

После двух мучительных часов, проведенных за учебниками, Джини наконец смогла вернуться к своему любимому занятию. Три раза в неделю к ним приходил учитель музыки. Сегодня они работали над особенно сложными пассажами, и учитель, как, впрочем, и все обожаемые ею преподаватели, не скупился на похвалу. Но во время урока она краем уха услышала разговор мамы с Па по телефону, и ее плечи по-

никли. Неужели он не понимает, что у нее сейчас урок музыки? Драгоценные часы с учителем выпадали всего трижды в неделю, и этого было до обидного мало. Именно поэтому каждый раз, когда отец звал ее помочь в магазине, сердце девочки сжималось от горького разочарования.

– Джини, дорогая, сходи, помоги Па. Он уже ждет тебя внизу, – как всегда, с дежурной мягкостью, произнесла мама.

Джини кивнула, тщетно пытаясь скрыть тень обиды, скользнувшую по лицу. Проводив учителя до самой двери, она юркнула обратно в гостиную и снова уселась за рояль.

Она понимала, что Па не нарочно отрывает ее от музыки. Просто заказов в последнее время стало неожиданно много. Отец, юрист с многолетним стажем, после смерти родителей унаследовал вместе со своим братом мебельный магазин и матрасную фабрику, требующие теперь гигантских вложений времени и сил. Но разве Джини в этом виновата? Ей просто необходимо было играть, но не ради сцены и оваций зрителей. Она не могла не играть – музыка была для нее сутью жизни. Как же ей хотелось, чтобы профессора из консерватории прочувствовали это так же, как и она.

Мама так и не зашла за ней в гостиную, и Джини, с робкой надеждой на то, что о ней забыли, вновь погрузилась в мир музыки. Конечно, она понимала, какое это счастье – иметь таких замечательных родителей и такое безоблачное детство. Семью, где царили любовь и понимание, несмотря на постоянные подшучивания друг над другом. Вечера, ко-

гда все собирались вместе и танцевали после ужина. Роскошь жить в прекрасном доме, извлекать звуки из своего Бехштейна³, смеяться до упаду с друзьями и наслаждаться восхитительной едой. Вспоминать о летних каникулах и зимних поездках.

Наверное, детство существует для того, чтобы успеть показать человеку, какой чудесной может быть жизнь, пока она не обернулась во что-то иное, во что-то, чем она не должна быть ни при каких обстоятельствах.

---

³ Бехштейн (Bechstein) – немецкая фирма, один из самых известных европейских производителей роялей и пианино. Основана Карлом Бехштейном в 1853 году.

Словно лишиться рук

1939 год

Новый учебный год в школе начался для Джини так же, как и прежний, разве что теперь она играла на фортепиано еще больше – если это вообще было возможно. Близилось время вступительных экзаменов в консерваторию. Джини жила лишь этой мыслью, и до всего остального ей дела не было.

Будущее рисовалось ей так ясно, словно было отражением в зеркале. Сначала она поступит в консерваторию, затем выйдет замуж за Митека. Скорее всего, они останутся в Кракове, рядом со своими семьями. Ей ведь так хотелось наблюдать, как растут Юрек и Халинка! Планы роились в ее голове, словно бабочки в летнем саду. Джини с трепетом ждала, когда же наконец начнется ее настоящая жизнь.

Это предвкушение напоминало ей зимние занятия с лыжным инструктором Польдеком. Тот волнующий момент перед спуском, когда новенькие лыжи пристегнуты, а ты стоишь на вершине горы, зная, что через мгновение тебя понесет вниз по склону с умопомрачительной скоростью. Нужно лишь оттолкнуться посильнее, сделать первый шаг.

– Джини! Хватит витать в облаках, лучше помоги мне, – вырвал ее из мечтаний голос Юрека.

– Да ты бы и сам справился, если бы не выбрал такой нелепый костюм.

– Это не я! Мы с ребятами договорились одеться одинаково, у меня и выбора не было.

– Выбор есть всегда, – назидательно заметила Джини.

Она взъерошила брату волосы и опустилась на колени, чтобы завязать ему шнурки. Тем временем Когут ловко перехватила платье Джини коричневым пояском и затянула его на талии девочки. Дети наряжались для праздника Пурим. Па почему-то без конца твердил, что в этом году Пурим должен стать особенно важным событием для всех евреев в мире. Джини никак не могла взять в толк, о чем он говорил, впрочем, не сильно старалась – ее уже давно перестали интересовать разговоры взрослых о мировых событиях. Она была слишком увлечена своим собственным миром.

– А теперь живо вниз, оба. Гости уже заждались, и Халинка с вашей мамой едва успевают их развлекать. Я помолюсь за вас, – с тревогой в голосе добавила Когут.

– А можно я не буду праздновать дома, а сразу пойду к друзьям? – взмолился Юрек.

Джини, нахмурившись, промолчала, предоставив Когут отчитать брата.

– Юрек Вайн! Пурим – священный для нас праздник. Учил бы Тору, как Юджиния, понимал бы. Успокойся, это не комплимент, так что нос не задирай, – последняя фраза уже предназначалась Джини.

Довольная улыбка сползла с ее лица, а Когут тем временем принялась закреплять на голове девочки чепец, полностью скрывающий волосы.

– Я так рада снова видеть на тебе наряд царицы Эстер. В-первых, мне не пришлось искать тебе новый костюм, а во-вторых, сейчас, в это смутное время Испытаний, это очень важно. Джини, помни: сегодняшний день посвящен выживанию нашего народа. Мы празднуем Пурим, чтобы доказать, что наша культура, наша память и наша отвага живы. И не слушай их угроз, это лишь пустые слова. Мы по-прежнему будем жить, что бы они ни делали...

Юрек вопросительно посмотрел на Джини, но та лишь пожала плечами. Когут часто говорила загадками. Джини взяла Юрека под руку, и они вместе спустились по лестнице. В гостиной за роялем восседал Па, а мама пела под его аккомпанемент песни на немецком. Дома было полно народу, но Джини, не увлекаясь общей суетой, потянула Юрека за собой в поисках единственного человека, который на тот момент ее интересовал. Наконец-то! Митек стоял у рояля, наблюдая за игрой Па.

Девочка оставила Юрека с Халинкой и протиснулась ближе. Митек нежно обнял ее за плечи и прошептал прямо в ухо: – Моя царица...

Джини густо покраснела и тут же отвела взгляд. Ей вдруг стало ужасно неловко – Па смотрел на нее с нескрываемым любопытством. Неожиданно Митек коснулся ее руки. Она

взглянула на него – едва заметный кивок, приглашающий следовать за ним. Впрочем, звать и не нужно было, ее ладонь и так была в его руке.

В самом разгаре празднества они пробирались сквозь толпу взрослых, чьи оживленные беседы то и дело прерывались взрывами смеха. Большинство из них держали в руках бокалы с напитками, и паре пришлось лавировать, чтобы никого не задеть. Наконец они достигли входной двери, и Митек распахнул ее.

Они медленно брели по саду, пока не дошли до беседки. Митек отпустил руку Джини, и оба опустились на деревянную скамью.

– Ну, и как тебе вечеринка? – спросил Митек.

Джини пожала плечами и придвинулась к нему ближе.

– Если честно, ничего особенного. Мы так часто устраиваем приемы, что я уже перестала их различать.

На самом деле она стеснялась признаться, что всегда с огромным нетерпением ждала любого повода пригласить гостей, ведь это означало новую встречу с Митеком.

– Наверное, приятно принадлежать к такому уважаемому семейству, – с усмешкой произнес он.

Джини шутливо толкнула его в плечо, и он рассмеялся в ответ.

– Знаешь, я даже польщен нашим знакомством! – задорно проговорил он. – Ну, расскажи, какие приемы будет закатывать ее величество, когда вырастет?

– Эй, а я разве еще не выросла? Не думай, будто я только веселиться и умею. Окончу школу, выйду замуж и найду работу – такую, чтобы каждый день играть на фортепиано. По крайней мере, именно так я себе это представляю...

– Моя маленькая пианистка, – прошептал Митек.

Джини снова покраснела. Она подняла глаза и увидела, как он встал, протягивая ей руку и приглашая подняться. Юноша притянул ее к себе, и Джини охнула от неожиданности. Так они и стояли в объятиях друг друга, слегка покачиваясь в такт доносившейся из дома музыке.

Па, закончив медленную пьесу, перешел к игривому вальсу. Митек тут же подхватил ритм танца, увлекая за собой смеющуюся Джини. И на мгновение ей почудилось, что это и есть их свадебный вальс.

Натанцевавшись вдоволь, они поглядели на светящиеся окна дома.

– Пойдем, а то малышка Халинка заскучала, – тихо произнес Митек.

Джини кивнула, юноша подал ей руку и повел ее к дому. Перед самым порогом Митек легонько задержал Джини за локоть. Наклонившись, он сорвал с клумбы маргаритку и заправил ей за ушко.

Джини замерла, сердце забилося чаще, когда он наклонился к ней близко-близко. Что он задумал? Вдруг его губы коснулись ее щеки. Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами, полными изумления. Но Митек лишь озорно ух-

мыльнулся и переступил порог дома.

Джини, как громом пораженная, так и осталась стоять на улице. Коснулась щеки, как раз в том месте, где только что были губы Митека. Затем, словно невесомая, подпрыгнула на месте и исполнила несколько танцевальных па. Неужели Митек только что ее поцеловал? И это был настоящий, первый поцелуй! Джини почувствовала, что еще немного, и она потеряет сознание от переполняющего ее счастья, но в присутствии гостей это было бы совсем неуместно. Несколько раз глубоко вдохнув, она вошла в дом и, пробравшись сквозь оживленную толпу, подошла к роялю.

Па как раз завершал пьесу стремительным пробегом по клавишам, а мама вторила ему протяжным, чуть театральным пением. Раздались аплодисменты, и гости вновь рассредоточились по гостиной.

– Хенрик, я каждый раз заслушиваюсь, – сказал кто-то из гостей. – Может, ты и не Ричард, наш общий знакомый, но играешь ты прекрасно.

– Ну, годы берут свое, – усмехнулся Па, похлопав себя по уже наметившейся лысине.

Гости сдержанно рассмеялись, Джини тоже натянуто улыбнулась в ответ. Она присела рядом с Па, и тот обнял дочь за плечи, продолжая болтать с окружающими.

– Ну как у вас дела, Хенрик? Регина все так же держит дом в своих руках?

– А как иначе, – ответил отец. – У нее к этому настоящий

дар. В целом все неплохо, работы даже стало больше. Правда, иногда задумываюсь, сколько еще матрасов и книжных полок может понадобиться нашим согражданам.

– Видно, запасаются, – отозвался тот же голос. – Слушай... может, все-таки уговорить брата Регины с семьей остаться в Берлине? Я бы не советовал им возвращаться сейчас. С двумя маленькими девочками... Это риск. Сейчас все тянут родных поближе, будто это может что-то изменить.

Джини похолодела. О чем это они? Она вопросительно посмотрела на отца, но тот лишь крепче прижал ее к себе.

– Спасибо за заботу, – спокойно ответил он. – Но мы, Вейны, держимся вместе. Правда, Джини?

Он вдруг повысил голос и улыбнулся:

– А теперь хватит разговоров. Что приуныли? Пурим все-таки. Веселее – не успеем оглянуться, как Песах на носу.

Он вскочил и закружил Джини в танце. Юрек и Халинка, визжа от восторга, протиснулись к отцу. Па подхватил детей, и вскоре вся семья, обнявшись, беззаботно отплясывала вместе с гостями. Танцующие потянулись к выходу. Когут распахнула двери, и шумное празднество вылилось в сад.

* * *

Жизнь иногда меняется в одно мгновение – так быстро, что не успеваешь этого заметить. Бабочка, едва освободившаяся из кокона, может стать добычей хищника при первом

же взмахе крыльев. Молодой листок, только распустившийся на ветке и ловящий солнечный свет, порывом ветра срывается с родного дерева.

Джини чувствовала себя таким же беззащитным листком, летящим к земле. Она не знала, когда и как закончится это падение, но уже понимала: остановить его невозможно.

1 сентября 1939 года мир изменился до неузнаваемости. Джини уже исполнилось пятнадцать, и она расцвела, став такой же стройной и красивой, как мать. Весть о начале войны, принесенная родителями, поначалу не вызвала у нее понимания. Ей казалось, что это не имеет к ней никакого отношения.

Но когда закрылась школа, смысл тех страшных слов стал доходить до ее сознания. Учителям запретили появляться на работе, и ученики перестали ходить в школу. Родители больше не разрешали Джини кататься на велосипеде по городу и даже просто гулять по улицам. И хотя в их доме по-прежнему звучала музыка, а теплые семейные вечера завершались традиционными танцами, Джини не могла не замечать перемен, коснувшихся ее семьи. Младшие дети, к счастью, не обращали внимания на то, что мать каждый раз возвращалась домой с плотно сжатыми губами, а отец постоянно хмурился – взрослые умело скрывали свои чувства в их присутствии. Но Джини больше не считала себя ребенком, поэтому, наблюдая за родителями, она решила тоже не выказывать беспокойства, в первую очередь ради Халинки.

Тем временем тревога внутри ее нарастала. Джини страдала от бессонницы. Ночи напролет она проводила, таращась в потолок и гадая, когда же ее жизнь вернется в привычное русло. Ей до безумия хотелось снова в школу – просто потому, что другой жизни она не знала. Запертая в собственном доме, хоть и в окружении близких, Джини не представляла, как ей жить дальше. По ночам она украдкой молилась, прося Господа избавить ее от невыносимой скуки и прекратить эту непонятную войну. Больше всего на свете Джини мечтала вырваться из заточения и повидаться с Митеком. Она надеялась, что он, как и она, тоскует в разлуке.

– Джини, ну пойдем, пожалуйста, – захныкал Юрек, держа ее за руку.

Глубоко вздохнув, Джини последовала за братом. У нее не было привычки подслушивать у дверей родительской спальни. Но любопытство Юрека оказалось заразительным, да и ей самой так хотелось понять, почему они не могут вернуться в школу. словно дети, выбравшиеся в ночи поглядеть на приготовленные подарки к Хануке, Джини и Юрек пробирались в крошечной темноте по коридору к комнате родителей.

– Не знаю, что и думать, дорогая, – тихо произнес Па. – Генри уверяет, что паниковать не стоит. Говорит, немцы просто играют мускулами. Что там насчет твоей мамы и брата? Они не передумали приезжать?

– Нет. Скоро будут.

– Не уверен, что это хорошая идея.

За дверями повисла долгая тишина. Джини на миг показалось, что родители уже легли спать. И вдруг до нее донесся мелодичный, слегка осипший от волнения голос матери:

– Что это, Хенрик? Только не говори, что это как-то связано с теми дурацкими рюкзаками, которые ты притащил в прошлый раз. Я застукала Юрека – он разглядывал их с таким любопытством! Представляешь, что взбредет детям в голову, если они это увидят?

– Именно это и должно им взбрести в голову! – резко ответил отец. – Регина, нам нужно немедленно убираться отсюда. Я все подготовил. Кое-кто из моих клиентов уже уехал. Мы без проблем пересечем границу и окажемся в безопасности. Смотри: тот большой рюкзак – для Джини и малышей, а эти два – для нас. Возьмем только самое необходимое и...

– Что ты несешь? Ты с ума сошел? – прошипела мама.

– С ума сошли не мы, а нацисты. Они растят ненависть к нашему народу прямо у нас под носом. Мы были слишком наивны, чтобы это разглядеть. Хотя что мы могли сделать? Разве можно остановить разъяренную толпу, готовую ограбить и сжечь любую еврейскую лавку или дом? Дальше будет только хуже. Пора уходить, пока не поздно.

– Никуда я отсюда не уйду! Это наш дом, Хенрик! Как тебе такое вообще в голову пришло? Мы остаемся, что бы ни случилось. И не с таким справлялись!

– Послушай, прошу тебя, – начал отец. – Нам нужно уйти

ночью, чтобы...

– Все. Разговор окончен, – твердо ответила мама. – Я даже не понимаю, куда ты предлагаешь бежать. Хенрик, умоляю, не смотри на меня так – этим взглядом ты меня не переубедишь. И тише, детей разбудишь! Мы остаемся, и точка. Брат и мама помогут нам.

Джини не слишком хорошо знала мамину семью – они жили в Германии. Но мама обожала своего брата, и раз она так ждала их приезда, Джини решила разделить ее радость. К тому же мама была права: в чем-то они действительно могли помочь. Приезд дяди Давида и бабушки внесет хоть какое-то разнообразие в унылые будни Джини, и ей будет не так тоскливо.

Улыбнувшись, она взяла Юрека за руку и уже собралась уйти, как из-за двери снова донесся мягкий голос отца.

– Что ж, должно быть, это и правда нам поможет. Сейчас главное – держаться вместе. То, что творят немцы, – какое-то безумие. Я до сих пор не могу поверить, что они застрелили Ричарда. Прямо во время радиопередачи. Кажется, хуже уже не будет. Но я все равно беспокоюсь о детях. Джини нужно попасть в консерваторию, пока ее место не отдали кому-нибудь другому.

– Вряд ли, – тихо ответила мама. – Не думаю, что сейчас вообще кто-то ходит на учебу. Господи, Хенрик, как же хочется верить, что все это скоро закончится.

– Ты права, дорогая. Все скоро закончится. Уверен, не за

горами время, когда мы снова будем устраивать приемы и звать гостей.

Разговор затих. Юрек испуганно посмотрел на Джини. Она покачала головой и мягко провела пальцами по его волосам.

– Ты же слышал. Все будет хорошо. А теперь пойдем спать.

На цыпочках они вернулись в детскую. Джини уложила Юрека, а потом и сама юркнула в постель. Вздохнув, она натянула одеяло до подбородка и провалилась в беспокойный сон. Ей снились два немецких парня: склонившись над роялем и злобно ухмыляясь, они играли в сто раз лучше, чем она.

Наутро Джини проснулась с ощущением смутной тревоги. Немного повалявшись и поразмыслив, она вдруг улыбнулась. Решение нашлось простое: надо лишь представить, что школьные каникулы немного затянулись – вот и все. Тогда все встанет на свои места.

Она вышла на балкон, облокотилась на перила, подперла голову рукой и посмотрела на любимый Вавель. Скоро все вернется на круги своя. Теперь она чувствовала себя совершенно спокойно.

Блаженная улыбка в одно мгновение сползла с ее лица. До Джини донесся ритмичный топот марширующих сапог. Она перевела взгляд на улицу и увидела нескончаемые колонны угрюмых людей в военной форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.